

Александр ВОЛОВИК

БЕЗУМНЫЕ

СТИХИ

СТАНСЫ

Поэзия это шкаф.

Д.Хармс

Ореолина лютня, баян, растекаясь по кронам,
терменвокс, сямисен издают согласованный хор.
Жду в *чистилке* уютной до ада попутку Харона.
По экрану гоняю согласный на *порно* курсор.

Прорывается Бах сквозь угрозы стиральной машины.
Чайник: «¡NO PASARAN!» – пасараны у нас не в чести.
И когорты собак завывают – всё выше и шире,
и – *Vivat* – мусорам, чьи деянья и мысли чисты!..

Что больней – находиться в шкафу, или выпасть из шкафа?
получить ли шлагбаумом в лоб, или пулю в живот?..
Неужели вся жизнь – только скучная кучка метафор?
И зачем же она – то летит, то плетётся, то *жжот*?..

* * *

Полковнику никто не пишет
– Г.Г.Маркес

Нагляжусь из окна на луны невалютный лимон
и – на волю: скрепя аппетит, посетить общепит.
Я – банкрот. Все мои сбереженья потратила моль –
нафталином колоться, колёса клоповника пить.
Извините, Полковник, я шлю Вам письмо за письмом,
настоящий, но старший и старый, как хрен, лейтенант.
И не тянет запас из кармана на жизненный склон
ни копыа, только пью невалютной луны лимонад.

ПОХМЕЛЬНОЕ

– Б.П.

улюлю...

с улиц

га

вью-

Пусть

рюриксон де радзивилл пах холестеринами
тостом остр и скор строкой мы не так ли ква-
каем лилипута раздавил куинбус флестри-
новый пересоленный топор перевесил
в вакуум в кои веки разлепив зазудел
предплечьем водки хряпнул под
сурок подсуропил в тютельку
телепал от вин и пив сгла-
зил гуттаперчево пле-
тью обух поперёк по-
перхнулся путин-
кой экивоки ян-
варя пьяное
исподнее
снудых
ул-
иц
ул-
яля
улетело
утлое куки-наки
имярек синюю рапсо-
дию псом скулил в кули-
су дня для утробы утренник

ОСТАТОК ОТПУСКА

*(Произведение с пониженным содержанием смысла.
Написано в жару)*

От куска отпуска
пот с виска. Стоп, тоска!
Тот пускай – в топку скал,
кто с куста ток пускал!

КАК ПРИНЯТО...

Как принято у нас на Востоке,
который, как и Запад, ни с места,
любая маломальская песня
имеет посередке цезуру,
похожую на маленький синус
в его неположительной части,
дотошно соблюдающий фазу
движения в двугорбом режиме.

Как принято у нас, у приматов,
в приличных и порядочных стаях,
уныло, как студентки N-фака,
где N определяется ночью,
выходят от и.о. Гутенберга
на волю – чистой повестью тексты,
крутящие в районе Динамо
свои договорные сюжеты.

Как принятая вовремя доза
от холода спасёт и от СПИДа,
фигура умолчания смысла
восполнит недержание слова.

Как принятый в почётные члены,
миг, якобы прекрасный, недвижим,
и прыгают по строчкам поправки,
как принятые в первом же чтенье.

ДЕЛА

угрожал ножом нанёс побои // след зафиксирован справкой врача // врезалась в пень пострадали двое // вывихнула ключицу плеча // окопался с бабой в проданном доме // дверь на замке телефон отключён // отлучился на год в пустыню гоби // она уже с ветеринарным врачом // ворвался в комнату ругался матом // махал кулаками дразнил собак // соседа-ветерана обозвал «приматом» // научила ребёнка «папа дурак» // появился пьяный крушил посуду // пианино деку разбил топором // не спускает воду гадит повсюду // жилая квартира беспредел погром // ехала на красный вырвали мобилу // потерял расписку чемодан вокзал // отобрал бумажник прямо у могилы // справка об отцовстве нанёс угрожал

ПЛЮС И ПОЛЮС

Полили ли лилии, пилили ли липы,
пуляли ль по линии палеолита,
по пеплу ли плакали, плова ль алкали –
поплыли на плюс, а на полюс попали...

* * *

Дм. Авалиани, А. Бубнову, С. Литвак,
Г. Лукомникову – мастерам

Палиндромы, анаграммы, *листовертни* и т.д.
рыщут как бы за горами и в неведомой воде.
Наклонись за отраженьем, глянь – и вытянешь сюжет –
и из пальца, и из жмени, без страдальцев и без жертв.
Без какого-либо катор-

жного рабского труда
с симметричного плаката в рифму лезет ерунда.
Но за этой ерундою, незаметные почти,
славу стройке и удою запевают трубачи.
Они дуют, поддувают, раздувают смысла свет,
но выводит их кривая в те края, где смысла – нет.
И бесформенная заумь кличет книжку и тетрадь
плакать твёрдыми слезами, *красным смехом* хохотать.
Ни сюжета, ни морали, из трезвона бубенцов –
чики-брики, трали-вали, ёксель-моксель, *цекон цов!*..

* * *

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное – когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда – единственная вещь.
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права,
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождейки слёз,
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.
Метафора родит лиризм, она включает свет.
И в этом свете (только в нём!) является предмет.
Всё – виртуально: водоём, премьера, интернет...
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА!

Взгляд обольстительной кретинки
светился, как ацетилен
А.А.Блок

Ищу сюжет, не глядя на реальность.
Что – жизнь? – Игры в мозаику расклад.
А прикуп многократно огорчал нас.
Не глядя, я швырну его назад.
Вот, например, с Ордынки на Тверскую
идя... зачем?.. Ну, скажем, за вином,
я встретил бабу страшную такую,
что позабыл, как разложить бином.
Она несла цыплёнка расчленёнку:
пакет прозрачный был красноречив.
В её мозгу уже кипел бульон, как
в моём – бурлит из букв речитатив.
Мы встретились, как трое те у Блока:
ацетилен, матрос и керосин,
но только, в соответствии с эпохой,
был я – (необольстительный) кретин.
Чеканя шаг и ПДД наруша,
она была, как видно, ценный кадр.
И ножки, именуемые *Буша*,
в пакете исполняли *danse macabre*.
У туалета платного кабины
она своей тряхнула стариной.
В испуге разлетелись воробьи на

другие крыши; кошки стороной
кабину обегали и, мяуча,
неслись, что называется, *стремглав*...
По небу грузно пронеслась туча.
Собор стоял недвижим, многоглав.
Я тоже встал, роняя в страхе зонтик
(но, падая, он в воздухе увяз).
Я вспомнил старый фильм...
– да-да, Висконти!.. –
которого не видел отродясь.
Но вот – мы разошлись, и посветлело.
Мне показалось: вновь я молодой.
К стиху рвалась душа и к телу тело,
и из толчка запахло резедой...
Мы разминулись, словно два трамвая.
Была та встреча – роковую? – Нет!
Я просто за вином шёл, вспоминая
биномиальный коэффициент.

БУРАТИНО

Я кукло Буратино, Как нелепа
коварная Мальвина из Госдепа,
где страшными зубами рвут колбасы
Нью-Йоркского горкома Карабасы!
Но эти, с позволенья, кукловоды
нам не испортят завтрашней погоды.
Поскольку постоянно начеку мы,
приветливы и внешне не угрюмы.
И наши неподдельные улыбки –
докажут всю лояльность без ошибки.
А в случае – кто явится с вопросом –
мы стукнем, куда надо, острым носом!

ЭТЮД

Она издавала панический крик,
который был слышен издалека.
Она издала несколько книг
общим тиражом, неизвестным пока.
Она веселила скромных мужчин,
я даже сказал бы – трэфных хрякóв,
и дюжину кофеев «каппучин»
без закуси на-спор смела с лотков.
Когда же поплыли наперекосяк
любимые – город – газон – кровать,
она говорила одно: пустяк
и продолжала пиры пировать.
Но вот, как в частности, так и вообще,
затмила светило чужая тень.
В дверях засветилась заглавная «Ч».
Плеер облезлый обрезал трель.
Летучие крылья сложил вампир,
и бухнул колокол – ни о ком...
Пойми теперь, кто – бормотал, вопил,
и кто – выпрыгивал из окон!
А там, где вибрировал хронотрон,
перелопачивая быльё –
свалка разобранных хромосом
для вос-произ-веденья её.

СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ

Военнослужащего полюбила змея.
Она ночами приходила к нему пешком.
А военнослужащий был такой же, как я.
Только я с их уставами поменьше знаком.
Он был, видимо, храбр: от армии не косил.
И дедовщину с пониманием принимал.
И то сказать, тронь его какой-либо дебил –
до койки до собственной вряд ли бы дохромал.
Вонзился в дебила бы жала злой язычок,
дебилу бы плохо было, он даже бы сдох.
А военнослужащий получил бы зачёт,
боевой отличник и кавалер орденов.
Он потом, наверное, генералом бы стал,
потому что сызмала жезл железный носил,
потому что верен был лишь змеиным устам
и от армии потому что не откосил.
А я перевожу, запаса старый старлей,
в черновики лес, чтобы пнями прорастал в них.
Не взрывал, не орал: «Огонь!» И сам себе змей.
И даже курсор от меня уполз, изменив.

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Город дорог ли?
Добр? Зол? –
Я не просёк мóзгом.
Слухом неловким
ловил узор
звуков; хрипел гриппозно.
И пренебрёг турниром самцов,
пунцов внутренним цветом
(долгий утробных низов зов
не удостоил ответом).
Тóлько я глянул вскользь сквозь
чуждый видеоискатель –
тут же трофеем его унёс
неприятель... или – приятель?..
Ветрено кашлял.
Высушив пот,
топал по пыльной плитке...
В общем, вышло, что я не тот:
не кот, до вкуснот прыткий.
Публику зля или веселя,
в скучной увяз вате...
Так что я оказался – я.
Сам себе адекватен.

* * *

Условный человечек на зебре перехода
идёт и не споткнётся, идёт, хотя стоит.
Неоновые свечи с заката до восхода
пере-ходо-проходцам поставлены на вид.

МУХА

Когда я раскрыл глаза,
Муха была возле рта моего, на подушке.
Непроизвольно открытие рта
(как Колумбом – Америки вместо Бомбея) –
и Муха, немножко робея,
в него, запинаясь, *вползла*
(может быть, *вполдобра* было б лучше...)
Переползена то есть черта, Рубикон насекомый.
(Я рот держу нараспашку: задохнётся ж, нельзя!..)
По слюне подъязычья скользя,
новый мир изучая искомый,
Муха входит, как в странную сказку,
под упругие тёмные своды,
где бацилл оголтелые своры
исподлобья, делясь, наблюдают – за.
Я уже не дышу.
Воздух не входит, и свет потух,
и не слышу шум,
хоть убей...
Но – готов умереть во имя Прогресса
в интересах
взаимопонимания цивилизаций двух
(нас и мух).
И вижу в (предсмертном, может быть) полусне:
с мушиным крылом на (верхней) губе,
явственно розовой,
подбоченясь, скачет сугубо бронзовый
Конный Памятник Мне!

НА ДЕТСКОМ МЕСТЕ

(хулиганские стихи)

Марш недопережёванных племянниц
за соблюдение 4-го закона Ньютона
напоминает саморазрушающийся танец,
завертевшийся во времена какого-то Она.
Перебегало улицу небо
в сафьяновых красных сапожках.
Всем мерещилась государственная измена
и враг, врывающийся в чащу на едких кошках.
Визг, чертыхания, бритый мяв,
горьких колёс скрип.
Чернявый котике, меня умяв,
облизывался. Я – погиб.
А кругом продолжалась весна небесна.
Квакали полуботинки в квёлом снегу.
Мыслям свободно было.
Словам соответственно тесно.
На детском месте ликовало моё старческое АГУ.

* * *

Я везу, как в звон закован,
кузов звуков, воз законов.
Цель зимы – загнишь и сникни,
Цельсий, царь индефинитный!
Цыц, цикавый циник ценза!
Сгиб мизинца: цуцик, целься!
Звука вкус целебный целый
муз совку сулит со сцены.
Но, как сцилла, бесполезный
без сестрицы без железной,
он кривым нечётным стуком
к роковым влечёт поступкам.

ПАУК И МУХА

Человек-Паук укусил Человека-Муху
Человеку-Мухе лететь бы куда фасетки
Но он был аскет и сознательно шёл на муку
И нарочно запутался в цепкой паучьей сетке
Человек-Паук питательно впрыснул в кожу
Человека-Мухи сок чтоб толстела мякоть
Обезболил добавил к соку стакан наркозу
Округлил как нолик до самых дотошных знаков
Окормил как батя по-полной и ждал надеясь
На наружный процесс верней на его ферменты
Человек-Муха вспотел переполнен через
И впервые подумал что сладкие экскременты
Для него возможно потеряны безвозвратно
Равно как и самки сладкое же жужжанье
И телесно выпитый залпом от жажды жадно
Он душой улетал на новых крылышках ватных

ЧАЙНИК

Век живи. Научиться молчать на вопросы.
Бездыханность мобилы... – Могилы? – Ну да.
Розы – стихотвореньям, а прочее – в прозу.
Так прозаик распишет – *шарман* (лепота)!
В храм науки войду ли, в любви ли обитель,
бьюсь ли над теоремой (без толку – увы),
развлекаюсь ли *контаминацией* литер
или с френдами *чачусь* журналов живых –
всё едино: зависнет премудрый компьютер.
Дыба быта добьёт меня, пищи ища.
Ёкнет мышца и щёлкнет компостер кондуктор:
скок! – неловко головка от туловища...
Погляди, не боись, корифей, на Горгону,
не моргая, и гонор глумливый умерь...
Я дурацкий шансон волоку по вагону –
прочь от проводниковых драконовых мер.
Да, о розах! Я рос и не нюхивал чайных.
То же самое – чёрных. В бокалах *аи*.
Я – о *прочем*. Я, впрочем, в прозаиках чайник.
И в поэтах. И в жизни. Привет. Ваш А.И.

* * *

Так. XXI столетье.
А в прошлом веке (где он ныне!)
я жил, как все: ел щи на третье,
негласно вопиял в пустыне...
Дробясь в нутре зеркала мутном,
с утра бухую скалил морду.
Натужась, втискивался буквой
в ячейку тесного чайнворда.
Пока самцы шукали веру,
блудя посты, как постовые,
искал я пару, как химеру,
был погружён в стиха стихию.
Пока бананы ямба ел я
и отливал в часы отлива,
она, как ящерка, глядела
зелёным глазом похотливо.
Я выходил в инет без ника –
таким Гаруном (аль – Рашидом)
и тусовался там безлико,
перепоясанным шахидом
спеша в толкучку масс народных,
дрожущих в трепетах лобзаний,
как исполнитель на скейтбордах,
елозил злачными задами.
Под едкий запах перегару –
в метро, в его тягучих штольнях –

как шелкопряд, искал я пару,
а получал её – как школьник.
И вечным двоечником, воя,
вкусив субботней трёпки предка,
не забывал: теперь нас двое –
я и проклятая отметка.
Хоть был я видный, вроде, парень,
внедриться мог в любую щёлку,
Но лучше бы я был непарен
и на-гора давал бы шёлку...
Я не хочу служить в балете,
мамоне, богу и отчизне!
Вернись, XX столетье,
и снова молодостью брызни!

БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ

Окольцована Вселенная-птица – кем?
Небо – ночи чучело ли, луг ли Луны?
И Луна – не коlobка ли литой манекен?..
Цопнута кольцо-то! – Нибелунгами ли?
Бурные валькирии, трилистники *треф*,
мастеру Вальпургию бубнили хор.
Червлёными пиками в лунный серп
Целили, метафоры метали с гор.
Эллипсы-параболы, скринсейверы-псы,
сторожите жителей – пасынков лун,
когда масти лунной на выпасы
шествует животных седой табун.
Бубном потрясающий, *пикой* востр,
карлик где-то канул в конце Луны.
Средь *трефовых* клеверов или роз
спят сухими *червами* – валуны.

ПУТИ-РАЗМЕРЫ

Сменил *анapest* Петербурга на лёгкий питерский *хорей*,
и на *пеон* под *третьим* номером, к примеру, Комарово.

На *ямб* Москвы, на Серпухова *дактиль*.

А вот *второй пеон* – Иваново...

И *амфибрахий* захолустного Урюпинска...

Березники – *пеон четвёртый*...

И *первый*, наконец, нагнал у Кемерово.

А там, через совсем далёкие *верлибры* Ерофея Павловича,
глядишь, и снова на *анapest* перешёл.

Но – Колымы...

Я УТЕШУСЬ

Я утешусь шипеньем посуды,
вительевой бравадой полов,
помогая курлыканьем псу, да
укопив его, мол, *котолов*.
Я утешусь щедротами быта,
рисованьем по свёкле и льду.
Подкую бутербродом копыто,
безлимитное время введу.
Разлиную курчавую простынь,
разливного чикушку сглотну,
сам себе и пророк, и апостол.
Сам себе Хаммаршельд и У Ну.
Я утешусь трёхчастною рифмой,
трону струн непомерный пардон.
Брат мой! Труженик!..

Или ты – бритт мой,
как брадою, обросший трудом?..
Я же – чёрт сам себе и всевышний,
то есть бог (но не червь!) и свинья.
И цианистой косточкой Вишну
непоспешно утешит меня.

1.

Конец – месяцу венец. Месится
тесто годов из размолотых месяцев.

Молод был – только что...

Но!

Вот что не йсключенó:

молот бил больно.

Как язык колокольню –

колокола в допотопном кино.

Зыком сирена

– нет, не смиренно! –

воет, и вой не впервой и, наверно,

в том-то и дело, что рёв или вой

вороном вертится над головой.

Этот рёв!..

Этот вой!..

Чёрный ворон, я не твой!

Чёрный ворон, *невермором*,

чёрным ором мне не пой!

Чёрной ямы мне не рой.

Я не псих и не герой.

2.

В Красной Лете ток столетий,

там пятак дают на третье.

Но не в рот

и не в бровь.

И не в глаз,

а – НА!

Там, где, верите ль примете,

пропадают времена,

не нужны ни на хрена.

Оба-на!

* * *

Смешные слова прозвучат ли в ушах,
молчанье ли гулкое лопнет,
объявит ли разум эмоции шах,
метнётся сомненье в полёт ли,
таимое имя ли звёздно блеснёт
уверенной гранью зелёной –
никто ничего не поймёт наперёд.
Незнание – удел миллионов.

* * *

Елене Морозовой

Я выжил в хрупком мире чемоданном,
убитом злобным глазом полицейским.
Я вышел в свет с отмычкой от неба,
простой односторонний человек.
Меня пугал примерный биоробот,
пока я плыл, летел, пока вращался
в мерцающем ромашковом фокстроте,
пока я фрукты райские вкушал.
Я в небесах носился храброй птахой,
произносил смеющуюся ноту,
но мне не зря сияет глобус Солнца:
я заблужусь в фиалковых полях...

ЖНОСТЬ И НЕ-ЖНОСТЬ

Свирепая Жность (Злость),
зверья, как часть речи,
когда улеглось
всё, что из углов
дымилось – кáр-тэчью,
когда, углеглаз,
взлетел водолаз
из зяблых глубин, воя,
когда ей пришлось
удерживать Злость
от боя с самой собою –
вот в этот момент мент
вихнул рукоять только,
и вычурный кольт финт
сыграл, как поляк польку.
Неверное НЕ
звенело вовне,
наверное, трелью нот.
И Нежностью за-
пела слеза
залившая Злость (Жность).

* * *

Начинается с любого
незатейливого слова.
А потом, вступая в сговор
с несговорчивым собой,
я придумаю такого,
что, навек заинтригован,
анекдотный мальчик Вова
мне сюжет предложит свой
(с неизменной новизной) :-)
Будет мной сюжет подхвачен
и в пути, допустим, с дачи
я отвешу Вова сдачи
полновесною строкой.
Как же может быть иначе!
Я ж поэтом обозначен,
и гормон не весь растрочен –
рифме рано на покой
(я теперь всегда такой...)
Начинается с подвала,
даже – нет! – с полуподвала,
или – нет! – пожалуй, с бала,
там, где я увидел Вас.
Встретил Вас и всё такое –
не подумайте плохое! –
это Оле- мне -Лукойе
кой-какое мнится, снясь.
(Что за дичь!.. Какая связь?!..)

* * *

ЛОР нашёл на стене невзрачной
на рабочем столе амёбу.
Уползи в земляную ямку,
и на ней прорастёт тростник.
Никому ничего не скажешь –
кто обидится, кто заплачет,
кто начнёт хохотать до колик,
кто оргвыводы подберёт.
Ах, стишки, троянские пони!
Потайной пассажир откроет,
пошпионив, тугие двери,
и ОМОН в них ворвётся, смел.
У осла траяновы уши.
Шёпот в дудочке будет явным,
как в испорченном телефоне
с перепутанным падежом.

* * *

Алексею Ивантеру

Анкор! Ещё анкор-другой – и вот
Летит, крылат, как инопланетянин,
Естественный воздушный самолёт.
Кастрюля щей, приправленных лаптями,
Слегка бурлит и, кажется, тогó –
Её вот-вот с плиты уже потянут
Юродивой клешнёю, сапогом

Исчислив, сколь податливы бока,
Вольют бензин и вырулят на кон.
А с самолёта видно: облака,
Насильственно укутывая солнце,
Текут туда, откель наверняка
Есть, есть возврат! И цель сплетая с пользой,
Россия завершает разворот
Удачливо, и с неба светит бронза!

ВСЯК

*и назовёт меня
всяк...*

А.Пушкин

Путь въётся, как угрь фри.
Уж финиш, а старт стёрт.
11 вдруг: три.
Четыре, прикинь, 100.
Устои – пустой сон,
учтивая чтив дичь.
Ни шанса на шáнсón –
сподобиться б спеть спич.
Нерадостен груз грёз:
трезвонил, дерзал – зря.
Дозатор двойных доз
зашкалил, разбег взяв.
Где разница: тел? лет?..
Не сгинь, но согни миг!
Да, в сущности, мет – нет,
в чьей памяти игр гиг.
Темнеет, и стих стих.
И Windows в окно – звяк!
И в судороге в горсти
сдох сущий язык. Всяк.

ПИШИ ПРОПАЛО

Продолжим тему, что жизнь – игра.
Подол шить тем, у кого с утра
в саду висело плодов – число.
Но – дура! – съела! Произошло...
«Укрыть фигу-уру! Стыдом умру-у-у!..»
Сердитый гуру сорвал игру.
Ревел, как барин: «Зачем не раб!»
Рай был бездарен. Была б игра б!

.....
Играют дети клавир фоно.
Играет ветер, гудит в окно.
Игра – без краю! (О, как я с Ней
во сне играю!..)
И – как во сне –
играет солнце на трубах дней.
И грéет сон сей, но вдруг слабей...
Игра без правил, и всё на кóн.
Как кто убавил свет из окон!
Доска тускла и дебют забыт.
И куклукскланит – в капоте быт.
Король в цугцванге? – Да он валет!
Спроси у Ванги про старость лет.
Спроси про серость, про белизну...
Цвелось и пелось, а вот слизну-
ла злая бяка, как языком...
Пиши, однако.
– Куда?
– В местком.
– Чего писать-то? Скачать с чего?
Что нет достатка? Что всё черно?..
– Не надо жалоб и куражу.
Пиши пропало.
– Пишу, пишу.

КАКТОПИСЬ? – ТАКТОПИСЫ

Каждая буква на вкус – кекс.

А вместе – пляшут он Ъ трепака

~1970-е

Кактопись. Где бы ни баловство –
музыки всюду звенит злодейство.
Телек бесстыжий свой тычет ствол –
дуло для пробиванья отверстий
в плоти – чтоб улетела душа
от телевизора, в том числе, и –
закувыркалась, на брудершафт
с богом поддавши, но так же тля,
как и отверстая дулом плоть,
плотность теряющая со свистом.
Старый усталый стою остолоп.
Пою слова безголосым солистом.
Всякое слово на вкус – соль.
И ноется на такой же ноте.
Сон ли сусолит словесный стон,
стол ли застолье сулит в блокноте...
Белкой по ёлке ли промелькну,
ляпну ли мысль или смехом брызну,
рыкну горланом ли на луну,
лирика ли прикину харизму –
всё-таки тактопись пестует стоп
поступь, и пусть потупятся те, кто
не поступились седым мастерством,
псевдопаря кистепёрым текстом...
Чуйства поэта-то – это же то,
что отличает его от прочих.
Розы сморозят его торжество.
Кровью любовь запузырит почерк.
Ахнет либидом его строка
Пахнет ли телом, карбидом, пищей –
Вечность – не фраейша. И – легка,
и бескорыстна – почти, как нищий.

* * *

Словесный Фо летит под купол
и, кувыркаясь – КУВЫРКАЯСЬ! –
мне кайф отмеривает скупю,
как бы на пробу. На анализ.
И вот, на столике стеклянном
лежит, разъят под окуляром,
подобен предкам обезьянам
своим значением скалярным.

* * *

...а этого не может быть! –
хрипел обрывок разговора.
Неслись во всю бухую прыть
слова, и не было, чем крыть,
словам, и междометий свора
слух засоряла, словно снить
культурный хрен из-под забора.

И, оставаясь на бобах,
в своих богах разочарован,
стих разговор, и только прах,
по форме стих, по смыслу – страх,
необъяснимый, но кондовый,
расположась в семи строках,
поздравил автора с обновой.

И тем кичился, ядовит,
что несъедобен, как поганка,
и что извилистей, чем винт,
ушами может сделать финт
хоть в полночь или спозаранку,
что сам себе он неофит,
что не сонет он и не танка...

* * *

Голсуорси был Иван,
и Тургенев тоже Джон.
Хоть они из разных стран,
каждый был из них прожжён
в негасимом мастерстве
и в сюжетах мастаки,
хоть в Лондóне, хоть в Москве –
первой классики руки.
В продолженье лет и зим
мы за это помним их.
И читаем их, и чтим,
и даже посвящаем стих.

* * *

По улицам сирым брела Невзирая
на север, на запад, на юг и восток.
Она ли зачёты сдавала, играя,
анализы тоже – охотно и в срок!?
Не глупо ли, Зевсом кляня Брахмапутру,
на лупые зенки напялив пенсне,
брести, позабыв про прокладки и пудру,
повторно по вторникам млея во сне?
Во сне не придет решенье проблемы:
бензол элементу не кажет кольцо.
И пусть понапрасну, но в рифму проблеем
талантливой трудолюбивой овцой.

КЛАУЗУЛА

КЛАУЗУЛА (лат. clausula - заключение, концовка) – ритмическое окончание слова, начиная от ударной гласной и до его конца. Любимый, кораблик, задраивать, поздно...

Владимир Онуфриев «Рифма: от простого к сложному»

– Нам есть, чем гордиться: отчётный период закончен, и мы не попали впросак.

Поднимем же тост за единственный вывод: мы мчимся к победе на всех парусах!

– Любимый, кораблик задраивать поздно, каюты затоплены, в трюмах бурлит.

И только по палубе мечется воздух.

Он ранен, и где же лентяй Айболит!..

– Очнись, дорогая! Сегодня суббота.

До вторника выплывем, вот тебе зуб.

Технички и юнги давно за работой,

и дуют вручную в отверстия труб.

– Но новые волны топорщатся грозно,

и – как его? – шквал, или этот... Мальстрём...

Любимый, кораблик задраивать поздно!

Мы обречены! Мы сегодня умрём!..

– Ну, ты бы ещё бы чего бы сказала!

Кругом тишина. Не аврал, а простой.

Что поздно-не поздно, узнаем у зама.

Какие там волны! Тут синус простой.

– Да нет же! Нас крутит, как в супе пельмени!

Да, это Мальстрём, я читала у По...

Так страшно, что хочется встать на колени...

Любимый, кораблик задраивать по

(Идут ко дну)

О ЧЁМ Я?..

Как яблочко мочёное, румян,
как рыжий кот, пружинист и неистов,
преследуемый стаей фортепьян
без пианистов,

я – то в Симеиз, то в
неНовый Крым, Осовины, Судак,
то в Коктебель – особенно по ветру...
Куда ещё? – Я что-то не айпетрю...

О чём я ностальгирую, чудак!..

ВТОРОЕ МАРТА

между силой и харизмой
происходит чудесо
кто-то серый так неистов
что готов почти на всё
мальчик мальчик был ты или
ты не мальчик бывший муж
скачешь дальше тили-тили
гоголь-моголь мёртвый душ
там элита знаменита
всяк поэт до полвосьмого
заменя да заменя да
но об *этом* ни полслова
с девяти и до шести
извини или прости
или просто перечти
незнакомое почти

* * *

Я влезу в ухо Сивке-Бурке
и выйду молод и несносен.
Вон наши юные фигурки,
консервы душ-68...
Они танцуют бестелесно
среди невиданного люда,
прячут бездумно и прелестно,
они летят и – любят, любят...

* * *

Будда, Будда! Гаутама!
Ты тучней гиппопотама.
Мы-то тут, а ты-то тама,
где сидишь ты в позе «лотос»,
весь покрытый позолотой,
смотришь в пуп, смешной, но Суций,
смотришь в суть вещей-имуществ,
сам культурный и непьющий,
самосо-вершен-ствующий-
ся!

РАЗБЕГ ЗЕБР

Бег зебр скор, резв, дик.
Дождь. Где зонт? Льёт с крыш.
Гром. Но вдруг вновь тишь.
Мир всем мил. В дом – прыг!

44 ВЕСЁЛЫХ

44 весёлых ежа,
вежливо глобусиками лежá.
(жуликовато иголки сложа),
жалят, но нежно: ужели не жаль!

44 весёлых ужа,
что ль им куда-то попала вожжа?!
в ужасе вьются, шурша и жужжа:
– Чтó выползает из-за гаража?!..

44 весёлых ножа
после разнузданного кутежа
раскувыркались в крутых антраша
не потому ли, что жизнь хороша?

44 весёлых, визжа,
от 44 убежа-
ли, апельсин что ли, пья и лижа
без дирижёра и без дележа!

СЮЖЕТИК

Начинается начало.
Ночи нечего пенять.
Вынул ручку из пенала
и – давай строчить в тетрадь.

Я сижу в приёмной МОРФа.
Мне 8-й десяток лет.
Я для текста чернового
выбрал маленький сюжет.

В сетку сервера попался
на таком-то этаже...
Мой сюжетик так уж мал, что –
он закончился уже...

* * *

Вымыслил вымысел. Сел. Облысел.
Весело смёл всё и смело на слом –
сколько б ни весило, что́ насопел
тусклый *демесленник* злым *демеслом*.

ГОРЬКИЙ

Был Горький в людях. Повидал людей – один мерзей другого. Только кое-какие любят Горького. Они – хорошие. И Горький сам хороший. Хотя и маленький. Подросток. Достоевский с него смеялся: «Долгорукий, но ведь не князь!» Смешно! Вот так и я...

* * *

Я дал небольшого маху.
А мах оказался велик.
(Тут просится рифма «со страху» –
я так рифмовать отвык).
Что в голове просвистело?
думой ли мозг набряк?..
Душа, сочинитель тела,
мышц укрепи напруг!..
На земляной планете –
лишь эпициклов звяк.
Встань в середину. В свете –
Истина. Как маяк.

* * *

Я красноречив (сообразно уму),
но что-то в последние дни
в уме кувыркается слово «Му-Му»,
а прочие – что-то ни-ни.
Мычу и мычу, а зачем – не пойму –
то прозой, то в рифму, то – так...
на небо ли гляну – мычу и ему:
– Му-Му!.. – Громыхает: «Да! Да!»

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

1.

Из окружающего воздуха
берётся маленький предмет.
Вся внутренность его съедается,
а шкурка мягкая тонка.
Она становится основой,
такой бесплотную субстанцией –
пресуществленья грубой мякоти
в плоть бестелесного стишка.

2.

Реальную жизнь отражая в стихе,
не жди, прикладник, урожая, хе-хе.
От жизни поэзия напрочь чиста.
Реальность её – это буквы листа.
И звуки – не скрежет, не свист и не бас,
а – ржанье Пегаса (ах, этот Пегас!..)

* * *

Приезжий сисадмин
на сервер удалённый
налаживает связь
почти что три часа.
Ты говоришь: «Аминь»,
он, сетью воспалённый,
коннектится, смеясь...
Ну что ж, *ком си* – *ком са*.

* * *

Ручек пенала лица

я представляю кратко.

Все они, в общем, круты.

Чёрная ручка – жрица.

Синяя – бюрократка.

Красная – экзекутор.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАНСЫ.....	3
Нагляжусь из окна.....	4
ПОХМЕЛЬНОЕ.....	5
ОСТАТОК ОТПУСКА.....	6
КАК ПРИНЯТО.....	7
ДЕЛА.....	8
ПЛЮС И ПОЛЮС.....	9
Палиндромы, анаграммы.....	10
Забудь каток и колесо.....	11
ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА!.....	12
БУРАТИНО.....	14
ЭТЮД.....	15
СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ.....	16
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ.....	17
Условный человек.....	18
МУХА.....	19
НА ДЕТСКОМ МЕСТЕ.....	20
Я везу, как в звон.....	21
ПАУК И МУХА.....	22
ЧАЙНИК.....	23
Так XXI столетье.....	24
БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ.....	26
ПУТИ-РАЗМЕРЫ.....	27
Я УТЕШУСЬ.....	28
Конец – месяцу венец.....	29
Смешные слова прозвучат ли в ушах.....	30
Я выжил в хрупком мире чемоданном.....	31
ЖНОСТЬ И НЕ-ЖНОСТЬ.....	32
Начинается с любого.....	33
ЛОР нашёл на стене невзрачной.....	34
Анкор! Ещё анкор-другой – и вот.....	35
ВСЯК.....	36
ПИШИ ПРОПАЛО.....	37
КАКТОПИСЬ? – ТАКТОПИСЬ!.....	38

Словесный Φ о летит под купол.....	39
...а этого не может быть!.....	40
Голсуорси был Иван.....	41
По улицам сирым брела Невзирая.....	42
КЛАУЗУЛА.....	43
О ЧЁМ Я?.....	44
ВТОРОЕ МАРТА.....	45
Я влезу в ухо Сивке-Бурке.....	46
Будда, Будда! Гаутама!.....	47
РАЗБЕГ ЗЕБР.....	48
44 ВЕСЁЛЫХ.....	49
СЮЖЕТИК.....	50
Вымыслил вымысел.....	51
ГОРЬКИЙ.....	52
Я дал небольшого маху.....	53
Я красноречив (сообразно уму).....	54
СТИХОСЛОЖЕНИЕ.....	55
Приезжий сисадмин.....	56
Ручек пенала лица.....	57